

Размер бумаги немного отличался от стандартного формата из мира Линь Саньцзю. Кроме этого, в голубом листе бумаги, который держал Монтескье, не было ничего необычного.

Линь Саньцзю была озадачена, когда получила письмо от Монтескье. Она сохранила свою саблю и развернула газету. Хорошая вещь в отношении этих мудрецов заключалась в том, что ей не нужно было беспокоиться, что они начнут скрытую атаку, даже если ее отношения с ними будут неоднозначными.

Пока она разворачивала газету и читала написанное, Монтескье и Аристотель скрестили две пары рук и молча ждали. Их темперамент был таким же спокойным, как бассейн с глубокой водой.

Через некоторое время Линь Саньцзю внезапно крепко сжала бумагу в руках и успокоила дыхание. Потребовалось некоторое усилие, чтобы успокоиться, прежде чем она сложила письмо. Затем она посмотрела на мудрецов.

"Я ... я не совсем понимаю" - Линь Саньцзю звучала нерешительно, когда произносила эти слова. Она не столько направляла слова мудрецам, сколько бормотала самой себе. "Что Нюйва подразумевает под "пора?"

Письмо было написано Нюйвой.

Под палящими лучами полуденного солнца неразборчивый почерк Нюйвы выглядел довольно слабым. Быстро прочитав написанное, Линь Саньцзю поняла, что не понимает его содержания. Поэтому ей пришлось заново перечитать письмо.

«Здравствуй, Линь Саньцзю. Позвольте моим словам говорить за меня. Недавно погода была хорошей. Если бы у вас был счетчик Гейгера, вы бы обнаружили, что уровни радиационного фона упали на несколько зивертов. Это хорошо. На этот раз я послал Монтескье и Аристотеля, чтобы доставить мое письмо, потому что я знаю, что вы мало общались. Надеюсь, вы сможете с ними дружить.

«Как дела в последнее время? Я должен упомянуть об этом. Похоже, что вы оставили довольно много компаньонов в окрестностях бывшего райского сада. Они вызвали довольно много беспокойства, и это чем-то напоминает мне лунный новогодний турнир. Но, конечно, мой друг, это не твоя вина. Время решит все эти маленькие проблемы.

«Сегодня великий день. Я очень доволен. Св. Петр и другие тоже очень счастливы. Впервые с момента их создания они могут ходить по этой земле. Хотя у них сейчас нет полной свободы будет больше таких дней в будущем, потому что ... нужно время.

«Хотя я не хочу выставлять себя спасителем, друг мой, причина, по которой ты можешь прочитать это письмо, все благодаря мне. Я написал это письмо как прощание. Я покидаю это место. В будущем это место будет домом для Святого Петра и других. Если вы все еще помните разговор, который у нас был на вершине башни, вы должны знать, куда я направляюсь. Надеюсь увидеть тебя там однажды»

Ничто в мире не может быть таким непостижимым и непонятным, как письмо, которое она только что прочитала.

Однако бесполезно спрашивать Монтескье и Аристотеля о чем-либо. В письме уже все четко

изложено. Все, стоявшие рядом, просто ждали, когда Линь Саньцзю произнесет хоть слово ...

"И ты вот это принес?" - Линь Саньцзю почувствовал сухость во рту.

Монтескье кивнул, выглядя спокойным и безмятежным. Он осторожно открыл карман пояса в ковбойском стиле, достал небольшой листок бумаги и протянул его Линь Саньцзю.

В последней части письма Ньювы, она заключила: «Я уйду в ближайшее время, и мы можем не встретиться в обозримом будущем. В знак доброй воли я даю вам визу в качестве подарка. Несмотря на то, что я не являюсь сотрудником консульства, за последние десять лет я приобрел их способность благодаря своим исследованиям. Пожалуйста, не скромничайте и любезно примите подарок»

Когда Линь Саньцзю получила лист бумаги с легким перышком, ее пальцы слегка дрожали. Она долго смотрела на визу, прежде чем, наконец, сохранила ее. В этот момент и Монтескье, и Аристотель сделали шаг вперед, словно рыцарские рыцари, которые наконец-то обнаружили правильную возможность.

"Хм? Ч-что ты пытаешься сделать?" - Линь Саньцзю растерялась, глядя на Нейхумеса перед собой. Они стояли прямо перед ней, и их высокий рост блокировал большую часть видимости. Монтескье поднял одну руку и коснулся собственного лба. Затем он мягко коснулся места между бровями Линь Саньцзю. После чего он отступил в сторону. Аристотель также последовал их примеру.

Сделав все, что от них требовалось, они ушли.

"Это какой-то прощальный этикет?" Линь Саньцзю потеряла область, затронутую ими. Как будто она все еще чувствовала тепло от их прикосновений. Кожа мудрецов была намного более скользкой, чем любое мыло или морская вода. Всего лишь легкий прямой контакт с ними был неопишуемым в ощущениях.

Линь Саньцзю была поражена количеством информации, которую она получила за эти короткие десять минут. Она была ошеломлена, и долго находилась в этом состоянии, прежде чем вспомнила свое нынешнее затруднительное положение. Она хотела быстро вернуться к своему рытью земли, но, когда подняла глаза, она почувствовала, как ее сердце поднимается к горлу.

Мудрецы не шли быстро и в настоящее время все еще были на виду. Они пошли по прямому пути, когда уходили. Их путь пересек районы со странными обнаженными корнями, которые Линь Саньцзю вскрыла. Она хотела кричать, чтобы предупредить их, но было слишком поздно. Одна из ног Аристотеля уже соприкоснулась с белыми корневищами как раз в тот момент, когда Линь Саньцзю собиралась открыть рот.

"Будьте осторожны!" - крикнула Линь Саньцзю, тайно сожалея, что не предупредила их заранее. Даже если они не были людьми, она не ненавидела их. Как раз, когда она собиралась поспешить было спасти их, на ее глазах произошло следующее.

Когда Аристотель наступил на пятно «белой редьки», на одной из редисок появилась широкая щель, но она тут же закрылась. Хотя процесс выглядел так, будто редиска немного вибрировала, в глазах Линь Саньцзю, которая занимался этим весь день, это было равносильно громом среди ясного неба.

Наблюдая, как два мудреца постепенно уходят, Линь Саньцзю с грохотом села на землю. «Белые редиски» вокруг нее не интересовались ею; они даже не вибрировали, выглядя так, словно они были неживыми.

Дрожащими пальцами Линь Саньцзю вытащила письмо Нюйвы из кармана в своих штанах. Возможно, она была слишком потрясена, потому что с первого раза достать письмо не получилось – пальцы слишком сильно дрожали. Она сплющила его на земле. Теперь, когда она перечитала письмо, она наконец поняла суть.

Хотя Нюйва специально не упоминала об этом в своем письме, было очевидно, что «белая редька» была своего рода организмом, который втягивает в себя другие живые организмы, как она собственно и предполагала. Ни люди, ни птицы, ни насекомые не могли избежать этой хватки. Однако со сцены, которая только что развернулась перед ней, Нейхумес, создание Нюйва, может мирно сосуществовать с этими «белыми редьками» по неизвестной причине.

Не было никаких сомнений в том, что слова Нюйвы – «пришло время» и «они могут наконец-то бродить свободно» – относятся к этой ситуации. Независимо от того, насколько ужасными были постлюди, если бы они шли здесь, у них точно были бы проблемы. Это означало, что весь райский сад будет принадлежать Нейхумесу и «белым редискам». И, конечно же, это было причиной того, что они больше не должны были скрывать себя и могли начать жить свободно!

Поскольку Нюйва сама была человеком, жить в этом мире было слишком опасно, поэтому она уже планировала покинуть его, чтобы отправиться в то место, которое Нюйва упомянула ранее.

Если бы это так, Линь Саньцзю не могла понять, почему ей нравятся те же методы лечения, что и у мудрецов. Нюйва заявила в своем письме, что это благодаря ей ... [Что она сделала со своим телом?] Линь Саньцзю вздрогнула, подумав об этом, она даже почувствовала, как волосы у нее на шее встали дыбом.

Кроме того, как Монтескье и Аристотель могли так легко найти ее в этом большом мире? Она вспомнила эпизод «Планеты животных», где некоторые животные могли инстинктивно определять местонахождение своих компаньонов в зависимости от их системы организма. Она не стала слишком глубоко задумываться над этим.

Несмотря на теплые лучи солнца, Линь Саньцзю почувствовала холодок в теле. Она хотела уметь анализировать себя, чтобы тщательно исследовать все свое тело. Она долго сидела в том же месте, прежде чем смогла наконец успокоиться. Внезапная мысль, которая пришла к ней, спасла ее от паники: независимо от того, что Нюйва сделала с ней, она всегда будет иметь человеческое сердце. Ее страх стать одним из тех Нейхумесов был доказательством этого!

Пока ее мозг принадлежал ей, она могла обдумывать и другие вопросы. Линь Саньцзю не была уверена, как ей удалось встать. Она схватила доску, которую использовала для копания, и снова начала свои тихие раскопки.

Прежде чем начать, ей даже удалось доставить сообщение Гун Даои с помощью бумажного журавля, в котором говорилось: «Прекратите искать сотрудника консульства. Прежде чем вас отправят в другой мир, пожалуйста, держитесь наверху и не касайтесь земли».

Начав копать в этот раз, ее мышление по этому поводу изменилось. Если кто-то такой загадочный и мудрый, как Нюйва, решил сбежать в другой мир, действительно ли у Б.Раббита и остальных, пойманных этими «белыми редьками», был шанс выжить?

«Мне нужно их увидеть», - пробормотала она. Ее тон становился все более ожесточенным, и, словно проявив силу, она взревела: «Мертв или жив!» Возможно, она не знала, в каком направлении копать, и не имела ни малейшего понятия, где они могли бы быть ... но Линь Саньцзю решила не сдаваться. Она чувствовала, что, если она сдастся, Б.Раббит и другие не смогут выжить. Девушка была готова копать непрерывно до того самого дня, когда ее отослали. Всякий раз, когда она выкапывала кусок «белой редьки» и подтверждала, что внутри никого нет, Линь Саньцзю активировала [Мозаичную цензуру], превращая редьку вместе с почвой в летящие кусочки. Слизь, корни и почва быстро покрыли ее тело. Но она продолжала копать, как будто она ничего не чувствовала.

Область не только была покрыта белыми корневищами, но и была глубокой. Линь Саньцзю копалвчь внизу по всей сети корней. Когда звезды и луна были высоко в небе, она уже вырыла большую яму глубиной более десяти метров. Несмотря на это, сеть редиски продолжала распространяться вниз.

Между тем она успела увидеть множество странных существ, пойманных в ловушку. Единственное, что она не видела, были люди.

Когда Линь Саньцзю заметила еще одного дуолуожонга, который умер с открытыми глазами, она, наконец, уступила голоду и жажде и была вынуждена остановиться. Она достала немного еды и воды и начала есть. Еда перед гнилым лицом дуолуожонга была не лучшим обедом, но теперь ей было все равно. Но когда она поела, дуолуожонг в «белой редьке» внезапно двинулся.

<http://tl.rulate.ru/book/4990/491643>